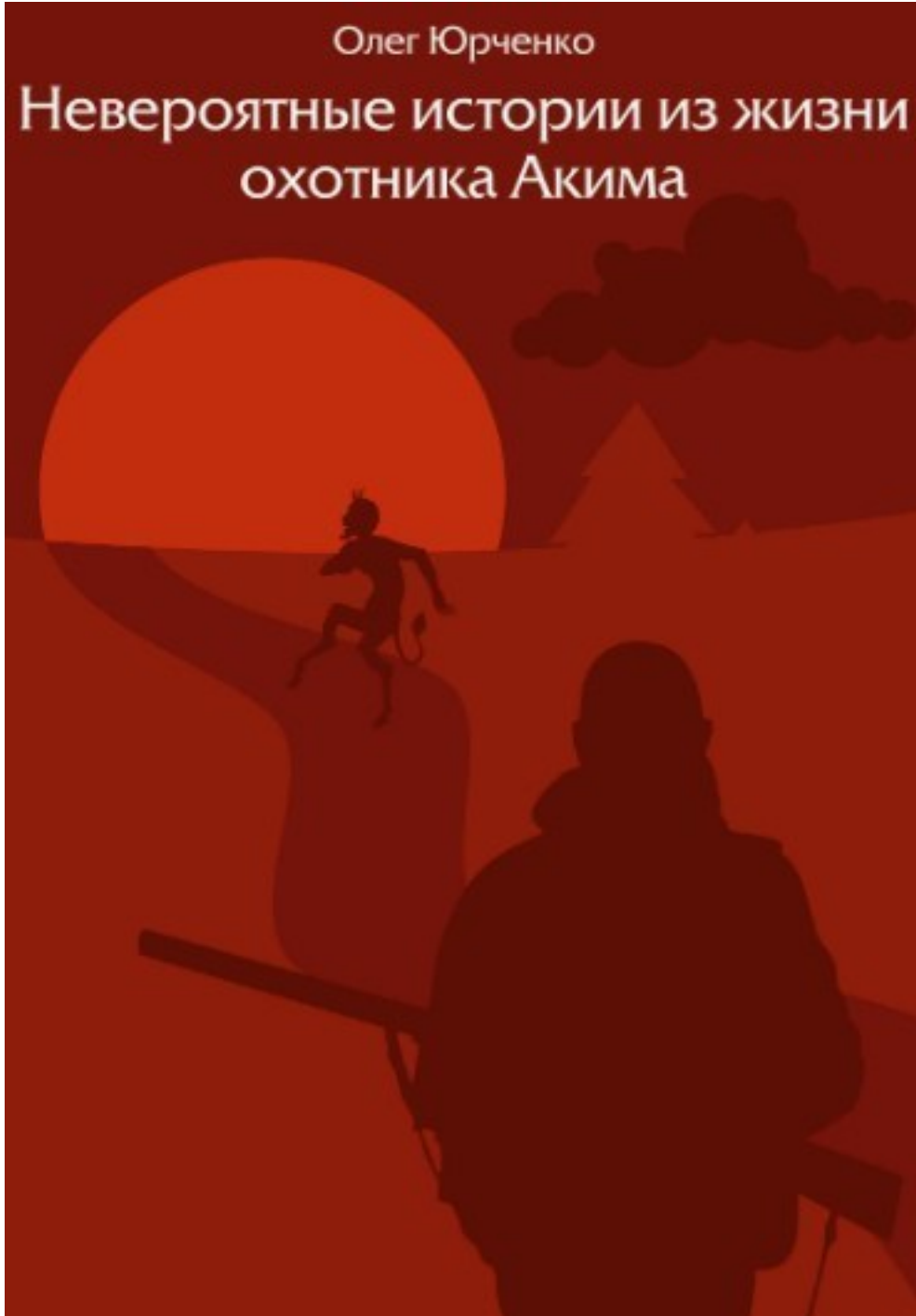

Олег Юрченко

Невероятные истории из жизни охотника Акима

Олег Юрченко

**Невероятные истории из
жизни охотника Акима**

«Моя Строка»

2019

Юрченко О.

Невероятные истории из жизни охотника Акима / О. Юрченко —
«Моя Строка», 2019

ISBN 978-5-9965-0377-3

На протяжении своей многотысячелетней истории люди не переставали испытывать потребность в неких отрицательной направленности сущностях таких скажем как – Сатана, Демон, Бес, Чёрт, Дьявол, Вурдалак, Упырь и прочих и прочих. Никому из людей нигде и никогда не удавалось вступить в прямой контакт с ними, но легенды и сказания о них передавались из поколения к поколению. И даже сегодня в век удивительных технологических достижений эти мистические существа не перестают будоражить неокрепшие умы некоторых из наших граждан. И вот в этом небольшом сборнике коротких рассказов некто охотник Аким, успевший повидать много – всего разного в своей жизни, становится тем человеком, который в силу сложившихся обстоятельств вступает, как это не покажется удивительным вам, в прямой контакт с этими дьявольским созданиями. И тут следует нам признать, что автор этого сборника рассказов знакомит нас с этими историями с высокой степенью мастерства в увлекательной приключенческой манере повествования.

ISBN 978-5-9965-0377-3

© Юрченко О., 2019

© Моя Строка, 2019

Содержание

Сатана	5
Демон	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олег Юрченко

Невероятные истории из жизни охотника Акима

Сатана

Неприятно-взвешивающие завывающий звуки натужно работающего двигателя пробурлакали блаженную тишину леса.

Аким вышел к дороге и стал нетерпеливо дожидаться приближения невидимого пока транспортного средства.

И простоял он так примерно минуты три-четыре, прислушиваясь ко все более и более нарастающим звукам приближающегося к нему транспортного средства. Простоял он так минуты три-четыре, пока не увидел наконец и саму эту технику. Старенький ГАЗ – 51 с высокими бортами, громко скрежеща изношенными механизмами и проваливаясь время от времени в глубокие выбоины на лесной дороге, стал медленно приближаться к нему. «И как такое ещё ползает по этим дорогам?» – подумал Аким и поднял руку.

Газончик, казалось, нехотя притормозил возле него и Аким, слегка привстав на носки, с силой распахнул дверцу кабины.

– Эй водила! – громко позвал он. – Подкинь меня до Усть-Чары.

Ответа не последовало.

Ответа не последовало, но это нисколько не смутило Акима.

Не дожидаясь специального приглашения, он вначале закинул в кузов свой увесистый рюкзак, а потом и сам, подтянувшись на своих крепких мускулистых руках, завалился на широкое Газоновское сидение рядом с водителем.

Грузовичок тотчас тронулся с места, а водитель все ещё продолжал молчать. Он продолжал молчать и только один раз, как бы невзначай, бросил свой беспокойный взгляд в сторону Акима.

– Ты чего это неразговорчивый такой? – удивился Аким, – немой что ли?

Водитель старенького газончика помолчал ещё некоторое время, но потом всё же слегка обиженным голосом заговорил:

– Зачем «немой»? Совсем не немой я – могу поговорить с тобой, если ты хочешь, но наперед скажи мне, как ты попал сюда к нам? Я вижу ты здесь чужой будешь ...

– Да как сказать тебе ... – блаженно откинувшись на спинку широкого сидения грузовичка, нарочито глубоко вздохнул Аким, чтобы хоть как-то успокоить этого местного молодого водилу со смуглым широкоскулым лицом, в уголке рта которого дымилась коротенькая сигаретка без фильтра, – я здесь, брат, в этих местах, – лениво растягивая слова, продолжил Аким, – я в этих местах уже лет двадцать как не был – можно сказать полжизни отсутствовал. И кто я теперь тут после этого? Свой или чужой? Это вопрос, брат.

– Ну да – а ... – вроде как бы задумавшись, коротко промышчал водитель и на секунду, повернув голову в сторону Акима, с каким-то всё ещё сохранившимся в нем недоверием бросил взгляд на Акима. – Чешь так-то домой тебя не тянуло однако?

– Э – х – эх ... – тяжело выдохнул Аким – как не тянуло, – конечно же тянуло, тянуло, но ... но понимаешь не мог я, никак не мог я сюда вернуться из-за этой моей судьбы – индейки, – я её ... – смачно выругался Аким, будто бы подавляя в себе тяжёлые для него воспоминания.

– Ага, понятно, однако, – почему-то быстро согласился с Акимом молоденький водитель старенького газончика и быстро отодвинулся подальше от Акима.

Это непроизвольное движение водителя, конечно же не ускользнуло от внимания Акима. И, чтобы как-то успокоить его, Аким решил всё пояснить ему.

– Понимаешь я в этой вашей Усть-Чаре косить буду. Понимаешь обязаловка у нас такая – косить, косить, косить.

– А чо ж ты один едешь? ... – Со все еще сохраняющимся в его голосе недоверием, не глядя на Акима, спросил его водитель газончика.

– Да как объяснить тебе ... – покрутил Аким зажигалкой в вытянутой перед ним руке. – Один кто-то из наших должен был ехать, вот я и напросился сам – очень захотелось мне вновь побродить здесь по тайге. Полсвета можно сказать объездил, а все же сюда душа просится. В свое время я здесь, брат, всю тайгу эту исходил. Соскучился больно я по ней ... – продолжил мечтательным голосом Аким: «Вот и вышел я из рейсового у Чёрных Квмней – думаю: «Прогуляюсь опять по знакомым местам, где я охотился когда-то, а потом на попутке какой-нибудь ... «Вот ты и подвернулся мне брат ...»

Однако ты охотник?! – почему-то сильно возрадовался этим словам Акима водитель старенького грузовичка.

– Да как сказать тебе ... – спрятал Аким зажигалку во внутренний карман своей куртки, – да когда-то охотился я здесь, когда зверя и другой разной живности здесь видимо – невидимо было ... а теперь не знаю я ... – раздумчиво протянул Аким, – теперь я не знаю как тут всё ... Да и какой из меня теперь охотник, брат, – выпрямил спину Аким, – Я нюх потерял, а без этого, если ты понимаешь что-нибудь в этом, в тайгу. соваться нечего.

– А ты прав однако, – чуть прибавив газу, сразу же согласился с Акимом водитель газончика и, крутнув головой в сторону Акима, гордо добавил: Мой дед хорошо тайгу нюхал – как собака на ветер стоит – и какой зверь рядом ходит, сразу говорит.

– Да – а ... замечательный был дед у тебя, – стал задумчиво смотреть в лобовое стекло Аким, – сейчас таких дедов уже не осталось.

– У – у, – покачал головой водитель, – не осталось. – И после этого, выдержав небольшую паузу, – как будто бы очень даже и к месту добавил: – А давай закурим, однако.

– А давай, – сразу же согласился с ним Аким и, достав из кармана пачку сигарет и зажигалку, прикурил одну за другой две тоненькие сигаретки с фильтром и одну из них протянул водителю, уже вступившему с ним в активный диалог.

– А не пора ли нам, брат, уже и познакомиться с тобой, – прежде чем сделать первую полную затяжку, предложил Аким. – Уже сколько времени мы с тобой едем, а не познакомились еще. Я– Аким. А тебя как величают?

– А меня Степаном Игнатичем зовут, – охотно представил свою особу водитель газончика.

О – го – го! – широко улыбнулся Аким. – Солидно звучит – это ты сам себя так величашь или еще кто?

– Все меня так называют, – без каких-либо ноток зазнайства в голосе просто стал объяснять ещё очень молодой водитель грузовичка. – У нас завгар тоже Степанов, но он Степан Иванович, – вот поэтому меня Степаном Игнатичем называть стали – для отлички, – чуть повременив добавил он. – Нас Степановых в Усть-Чаре много. Нас здесь Степановых все хорошо знают. Знают хорошо, потому что раньше все наши Степановы охотниками были. На пушнину охотились, – после очередной сигаретной затяжки не без гордости добавил самый младший из Степановых.

– Пушнину это хорошо, – нисколько не удивился Аким. – Они пушнину добывали, а ты вот почему-то шоферить пошел ... – при этих словах улыбнулся саиому себе Аким. – С чего бы это а? Неужели никакого зверя здесь больше уже не осталось?..

– Осталось! Осталось! – После этих слов Акима чуть ли не подпрыгнул на своем месте Степан Игнатич. – Осталось! Очень злой зверь осталось! – теперь уже весь поджавшись, вцепился обеими руками в баранку руля Степан Игнатич. – Сатана! Сатана осталось!

– Сатана?.. – опешил Аким. – Какой к черту Сатана?! Говоришь-то ты что, брат? Сатана – это и не зверь вовсе, не зверь, а что-то наподобие черта, но без рогов, – на этот раз снисходительно улыбнулся Аким и ещё через пару затяжек добавил: – Выкинь ты Степан Игнатич все это из головы. На самом деле ни Сатаны – ни Черта никакого с рогами или без рогов не существует – на них не поохотишься. Эко, брат, никак запугать ты меня хочешь?!

– Зачем «запугать», – понизил голос Степан Игнатич, старательно объезжая огромный валун, неизвестно как оказавшийся прямо посередине дороги. – Недавно к нам ревизор из района приехал: вечером «Добрый ночь» всем говорил, а утром ... – на этот раз еще сильнее понизил голос Степан Игнатич.

Что утром? – уже досадливо спросил Аким и достал очередную сигарету.

– А утром ... – почти на шепот перешел Степан Игнатич, – а утром лежит ревизор на кровати лицо белый – белый его ...

– Почему «белый»? – потерял уже всякое терпение Аким.

– Сатана кровь его пил – вот «почему», – с едва скрываемым ужасом на лице пояснил Акиму Степан Игнатич.

– Ну ты даёшь! – выставил Аким из кабины руку с дымящейся сигаретой в ней, – Сатана у ревизора кровь, говоришь пил и поэтому он умер?.. Но почему именно Сатана в его смерти виноват? Мало ли от чего человек умереть может – удивил чем! Поди пожилой был этот ревизор ваш– сердце, скажем, екнуло ночью– вот и все: отревизорился он. А ты– «сатана – а – а» ...

На этот раз Степан Игнатич промолчал и, переключившись на пониженную передачу, завёл свой газончик в крутой поворот: свет фар срезал вдалеке макушки деревьев и затем вновь лег в глубокую колею дороги.

– Сам человек так не умирает, – выполнив ответственный маневр, – возобновил разговор Степан Игнатич. – Сатана кровь его пил – ревизор бледный-бледный был.

– Бледный-бледный – передразнил Степана Игнатича Аким. – А сам-то ты видел «бледного» этого ревизора?

– Я – нет, – мотнул головой Степан Игнатич. – Милиционер видел. Он говорил: красное пятно у ревизора на животе видел – через него Сатана у ревизора кровь пил.

«Милиционер – р – р ...» – придвинувшись ближе к водителю, вновь передразнил его Аким. – У милиционеров, брат, свои дела – у них и Сатана по делу может проходить, если им так надо будет. Сам-то ты ничего не видел, а врешь брат ...

– Почему «врешь»? – не хотел сдаваться Степан Игнатич, – Когда Сатана кровь пьет, нельзя потом на мертвого смотреть: Сатана и за тобой придет.

– Это ты, брат, напугать меня решил что ли? Запомни нет никакого Сатаны– сказки все это.

Есть! Есть Сатана! – всплеснув руками, чуть было не потерял из рук баранку руля пришедший в сильное волнение Степан Игнатич. – У– у – х какой он злой этот Сатана! Он у человека кровь во сне выпивает– пьёт он и пьет, пока человек совсем не умирает.

– За мной брат он не придет, – неожиданно растянув рот в злой усмешке, показал свои жёлтые и прокуренные зубы Аким, бесцельно щелкая в темноте зажигалкой.

Степан Игнатич снова опасливо скосил глаза на своего пассажира и подался всем телом вперед без всякого желания продолжать этот разговор.

Ночь набирала силу и чем темнее становилось она тем ярче, казалось, горели фары грузовичка, выхватывая из мрака ночи всё более и более удалённые участки дороги далеко впереди. Да и дорога стала заметно ровнее – и газончик Степана Игнатича перестал уже судорожно

и конвульсивно дергаться как прежде, когда приходилось ему преодолевать многочисленные выбоины на дороге.

Акима потянуло в сон и он, вальяжно откинувшись на высокую спинку сидения, закрыл глаза. – и буквально через несколько минут в его сознании, подстегиваемом желанием крепкого сна, нарисовалась опрятная комнатка с высокой железной кроватью в ней, застланной толстым матрасом, на котором можно бы было вытянуться во весь рост, раскинув в разные стороны свои руки и ноги. И уже крепко погрузившись в сон, он долго – очень долго любовался этой картиной, испытывая при этом какое-то лёгкое чувство полета ...

– Однако приедем скоро, – сквозь сладкую дрему сна услышал Аким слова водителя. Тряхнув головой, он с трудом вернул себя к состоянию бодрствования и, сев поровнее, стал с интересом смотреть в лобовое стекло газончика. И очень скоро жёлтые снопы света, исходящие от фар грузовичка, позволили ему различить контуры каких-то мрачных строений, вытянутых вдоль дороги с обеих её сторон. Немного погодя то тут-то там стала появляться на обочине и леспромхозовская техника – огромные Мазы с приоткрытыми копотами, трактора, краны и обезглавленные тралы в полуразвороте к дороге.

Начинался и сам посёлок.

Грузовичок, управляемый Степаном Игнатичем, выскочил на свежеприсыпанную щебнем дорогу и совсем ещё молодой водитель, поддав газу, пустил свой старенький газончик в, казалось, сумасшедший галоп, будто перед ним расстилался дальний путь километров эдак на пол тысячи. Газончик, недовольно взревев, уверенно пошел по накатанной дороге. Аким удивленно посмотрел на Степана Игнатича: «Голова Сатаной забита, а без понта все-таки не может ... Пацан– он и есть пацан, хотя и Степаном Игнатичем его величают».

И действительно всё было рассчитано на эффект: не успел газончик набрать хорошую скорость, как почти тут же громко заскрежетав тормозами, остановился у вытянувшегося у дороги бревенчатого барака.

– Однако здесь ночевать будешь, – объявил Акиму Степан Игнатич и, заглушив мотор, первым выскочил из кабины.

Аким последовал за ним, не забыв прихватить из кузова свой рюкзак.

– Ваши все здесь ночуют, но я эту бригаду ваших сегодня вот на станцию отвез – обратно в город они поехали. Они целую неделю косили, – остановился перед входом в барак Степан Игнатич, чтобы ввести в курс дела нового городского косаря, – неделю косили, очень хорошо косили – в Сельпо ни одной целой бутылки не осталось, – почесал у себя за ухом Степан Игнатич. – Хэх, – откачнулся он на мгновение назад, – хорошо что у меня брат сам себе гонит. Хочешь я тебе принесу? – забросил он на всякий случай свою удочку.

– Нет, брат, не надо, – успокоил его Аким и хлопнул ладонью по своему рюкзаку. – Все своё ношу с собой.

– Это хорошо однако, – уже более уважительно посмотрел на Акима Степан Игнатич.

Внутри барачного строения Аким увидел просторное помещение, заставленное двумя рядами раскладушек, по количеству которых можно было сделать предположение, что здесь размещалась большая бригада косарей, о которых рассказал Акиму Степан Игнатич. Контраст между свежим бодрящим воздухом улицы и тяжёлой прокуренной атмосферой внутри помещения был столь велик, что Аким едва он перешагнул порог сразу же и замер на месте не в силах заставить себя продвигаться дальше.» Не удивительно, – мелькнула у него мысль, – не удивительно, что в сельпо ни одной бутылки не осталось»

Аким приостановился, а Степан Игнатич, не заметив никаких резких перемен в состоянии окружающей среды, решительно прошел дальше, удачно лавируя между рядами спальных раскладушек.

Акиму пришлось последовать за ним.

Второе помещение оказалось гораздо меньше первого, но выглядело гораздо привлекательнее: по четырем углам стояли широкие железные кровати, а в центре находился массивный стол на высоких точеных ножках бог весть как оказавшийся здесь, за которым сидели трое из числа местных жителей и, как это было хорошо видно, лениво и нехотя играли в карты. Во рту каждого из них красовалась коротенькая курительная трубка, выпускавшая время от времени плотные клубочки дыма. И эти трое игравших напоминали собой маленькие курившиеся вулканчики.

Степан Игнатич, подойдя к ним, поздоровался с каждым из сидевших зп руку. Эти трое, как выяснилось потом, как и Степан Игнатич, были водителями, которым приходилось порой заночевывать здесь в этой леспромхозовской “гостинице”. Не переставая улыбаться, они теперь ближе придвинулись друг к другу, как бы давая место и Акиму.

– Да, братцы, начадили вы здесь, – в ответ на их улыбки с большим сожалением посмотрел Аким на них и на плотные клубы дыма, неподвижно свисавшие с потолка.

– Садись, – пододвинул к Акиму стул Степан Игнатич, – сыграем однако.

Сам он, сразу же подсев к старшим своим товарищам, нетерпеливо дожидался окончания партии, чтобы включиться в игру и самому.

– Не– е ... – отрицательно покачал головой Аким, – я лучше в кроватку ... буду бай – бай делать.

С этими словами он направился в свой угол и, не раздеваясь, упал на покрытую байховым одеялом койку, широко раскинув руки и ноги в разные стороны.

Но пролежал так Аким в ожидании сна совсем недолго – очень скоро он почувствовал нестерпимо – мерзкий тяжёлый запах, идущий от постели, находившейся под ним. «И кто только не валялся здесь на этой коечке?» – ударило ему в голову, вызвав в нем острое чувство брезгливости. Да – а ... отвык он от такой походной жизни, а бывало ... а бывало в каких только местах не приходилось заночевывать ему ... А здесь ... а здесь ... – приоткрыл глаза Аким и внимательно осмотрелся вокруг себя: «Ну прямо какой-то Дом колхозника: вот тебе и добротные железные кровати, а вот тебе и круглый стол в центре с привычным графином и гранеными стаканами на нем».

– Попить что ли? – спросил себя Аким и, поднявшись на ноги, направился было к столу, но до него не дошел: взгляд его неожиданно упал на подвернувшийся край огромной карты СССР, закрывавшей почти полстены, за которым был виден краешек дверного проема.»Дверь! Потайная? – осенило Акима. – Куда же она ведет? И зачем это они занавесили ее?»

Эти вопросы один за другим пронесли в голове у Акима и подтолкнули его к решительному действию: он быстро шагнул к карте и отдернул ее в сторону – действительно дверь! Куда она ведет?

Не долго думая, Аким взялся за ручку двери и надавил на нее, собираясь войти куда-то туда.

Но сделать это он все же не успел – перед ним неожиданно вырос Степан Игнатич.

– Туда нельзя! – возопил он.

– Чо нельзя-то? – не отпускал ручку двери Аким. – Там что ещё одна комната для своих приготовлена?

– Нельзя! – испуганно отшатнулся от Акима Степан Игнатич.

– Ты это брось мне «нельзя» – не собирался отступаться Аким. – Сейчас «нельзя» нет и к тому же я у вас вроде как гость.

И, решительно отодвинув в сторону маленького Степана Игнатича, Аким с силой толкнул перед собой потайную дверь и она легко поддалась ему.

И уже в следующую секунду перед взором Акима предстала небольшая, но опрятно прибранная комната – о Боже да ведь это был его недавний сон: высокая двуспальная кровать, аккуратно застеленная свисающим почти до пола теплым байховым покрывалом, под кото-

рым угадывался мягкий матрас, а сверху большая и пухлая подушка, казалось уже заждалась Акима. Прямо над кроватью свисал со стены привычный взору коврик с пасущимися на нем оленятами.

– «Люкс!» – сообщил себе Аким, решивший пренебреженно обосноваться здесь.

И, нисколько не раздумывая больше, Аким смело шагнул за порог – и теперь уже никто не смог бы помешать ему. Войдя в комнату, Аким прошелся из угла в угол, остановился и немного постоял у окна, потом подошел к кровати и, подвернув свисавшее почти до пола байховое одеяло, потрогал рукой мягкую постель и теперь уже ничто не смогло бы изменить его планы.

Не обращая никакого внимания на продолжавшего протестовать Степана Игнатича, Аким вернулся обратно в большую общую комнату за своим рюкзаком.

Местные водители, игравшие до этого в карты, теперь отложив их в сторону, неотрывно в мистическом ужасе молча наблюдали за всем происходящим.

– Чо, мужики, все чадите и чадите вы? – улыбнулся им Аким. – Я вот хотя и много курящий я, а дыма не переносу, да и табак у вас больно вонючий какой-то, – достал свой рюкзак из-под кровати Аким – Вот потому-то я оставаться здесь с вами никак не могу. А ты не стой здесь, – проходя мимо Степана Игнатича, хлопнул его по плечу Аким. – Ты ко мне сюда заходи. Ты чо комендант что ли? Все равно ведь пустует эта комната сейчас. А придет кто из этих, – вскинул свой палец к потолку Аким, – так я сразу же и освобожу ее.

В ответ на приглашение Акима пройти в запретную комнату Степан Игнатич заволновался еще больше и, присев на корточки, отчаянно запричитал:

– Нельзя сюда! Сюда нельзя!

– Слушай ты чудило! – не выдержал Аким, подтащив свой рюкзак к маленькому столику у окна – А пошёл бы ты ... Заладил понимаешь: «нельзя», да «нельзя». Лучше заходи – поговорим, – пошарив рукой в своем рюкзаке, извлек он оттуда походную фляжку и потряс ею в воздухе. – Вот видишь: у меня все с собой – в сельпо бежать не надо. Давай заходи.

Но Степан Игнатич, казалось, не слыша Акима и уже отчаявшись что либо изменить в этой ситуации, вскочил на ноги с вытаращенными от страха глазами и в ужасе прокричал:

– Здесь нельзя! Здесь Сатана!

– Вот те на!.. – раздосадованно поставил фляжку на стол Аким. – Так ты это и вправду в сатану веришь? Да вы что здесь все того ... – показал пальцем у виска Аким. – Я же тебе, чудо, пояснил: черти и сатаны только в сказках у бабок живут, а вы мать вашу мужики взрослые, как дети малые в небылицы верите. Он что шекотать вас ночью приходит сатана ваш этот? Что вы так труситесь все, – я дверь к вам со своей стороны подопру, хотя бы и вот этим, – взял Аким в руки прислоненную к стене рядом с дверью палку, которая, по-видимому, и в самом деле служила для запираения двери изнутри. – Вот, – положил Аким конец затянувшегося спору со Степаном Игнатичем и плотно прикрыл дверь прямо перед носом изумленного Степана Игнатича.

Оставшись один в самовольно захваченной им комнате, Аким еще раз с большим удовлетворением снова оглядел ее по всему периметру и остановился взглядом на широкой железной кровати с по-видимому давно нетронутой никем постелью на ней – вот оно то, что снилось ему в его коротком сне каких-нибудь полчаса назад в газончике Степана Игнатича. «Скорее спать ...» – подогнал себя Аким, но тут неожиданно вспомнил, что он еще не ужинал.

Вспомнил и, повозившись в своем рюкзаке, извлек оттуда небольшой пакетик с припасенной в дорогу закуской. Извлёк и поставил его рядом со своей походной фляжкой. «Надо перекусить» – приказал он себе, присев на шаткий табурет к столику у окна.

Однако заставить себя есть в этот поздний вечер Аким все же не смог. Сделав несколько глотков из своей походной фляжки, он быстро разделся и, потушив свет, залез под тёплое одеяло, испытывая блаженство от этой мягкой постели. Только вот это ... эти тихие голоса, доносившиеся из-за стены. Интересно бы знать о чем это они?..

Но как ни старался Аким, а разобрать о чем говорили местные водилы он так и не смог. Голоса эти то усиливались, то затихали, то и вовсе переходили в глухой шепот. И все это скоро разозлило Акима и напрочь отогнало от него его сон. Аким перевернулся на другой бок и стал смотреть прямо перед собой в единственное в этой потайной комнате окно. Через минуту-другую он с изумлением увидел, как на прилегавшую к бараку поляну выскочила стеснительная, как показалось ему луна и размазала своим жёлтым светом чуть синеватый воздух за окном, проявив могучие стволы кедровника в самом дальнем конце этой поляны на подступах к самой тайге. Завороженный этим ночным зрелищем Аким долго не мог понять, как возникло в его сознании это волшебство сибирской тайги.

Так пробежали еще несколько минут этого сказочного видения – и через несколько минут еще и этот сказочный свет, возникавший, казалось, из ничего, в который погружалось все там за окном, и благостная тишина, воцарившаяся в комнате, и какое-то еще торжествующее чувство умиротворенности благотворно подействовали на Акима и он медленно погрузился в сон.

... И вот уже первые видения сна стали появляться в его дремлющем сознании: вот она эта узкая петляющая между деревьями тропинка и это радостное ощущение движения своего тела. Я иду, иду и лечу куда-то в глубины интригующего меня чувства счастья, радости, любви и причастности к какой-то волшебной тайне... Ах лишь бы не оборвалось все это, не пропало, не исчезло куда-то... Надо попытаться догнать и удержать эту тайну – вот она! Вот же – вот, держи ее!..

Но тропинка все же неожиданно оборвалась, исчезла из сознания Акима, оставляя его одного в его теплой постели. Но что это – я уже никуда не иду? Я просто лежу здесь в этой теплой постели? Но, если я не сплю, значит я бодрствую. А раз так, значит я вижу, как кто-то смотрит на меня в окно. Что это за мерзкая рожа такая? Мохнатые ресницы... Удлиненное голое лицо... отвратительно толстые губы... Фу черт! Какая ужасная гримаса! Какие длинные уши! Огромные зубы!

– Ага, я вижу Сатану!.. – догадался наконец Аким.

И эта последняя мысль тяжелым молотом ударила его по голове, ударила по голове, а по телу пробежал легкий озноб.

В следующую секунду Аким был уже на ногах и кинулся к выключателю на сьене рядом с дверью, успев заметить, как чья-то большая тень отшатнулась от окна.

В ярко вспыхнувшем свете лампы окно тотчас потемнело. И Аким, стоя у двери, быстро общарил глазами всю эту комнату: ничего подозрительного – все та же высокая железная кровать, с постелью под теплым одеялом, под которым вот ещё совсем недавно он спал, над кроватью на стене свободно свисающий коврик с пасушимися на нем оленями, у окна низенький столик и на нем его походная фляжечка и пакетик с закуской, к которой он так и не притронулся в этот вечер.

Эта уже хорошо знакомая ему в комнате обстановка несколько успокоила Акима, однако некоторое время еще он продолжал стоять с включенным светом, прислушиваясь: не возникнут ли какие-нибудь таинственные и подозрительные звуки.

Но нет все было так, как оно и должно было быть – из соседней комнаты все также доносился беспорядочный храп местных водил. И в этом причудливом оркестре Аким услышал один через равные промежутки времени с присвистом солировавший детский жалобный храп, принадлежавший, как догадывался Аким, Степану Игнатичу. «Ага! Не ушел, – подумал Аким с улыбкой на лице о молоденьком водителе старенького газончика. – Решил на всякий случай здесь переночевать.» Бледный-бледный ... «– гм – м ... вот так вот наговорят тебе чёрт знает чего – и снится потом дрянь всякая».

Потушив свет, Аким вновь забрался под одеяло и, закрыв глаза, стал неподвижно лежать под ним, отгоняя от себя все эти непрощенные видения.

Но пробежало всего несколько минут и стало очевидным, что сон уже не вернется к Акиму. Теперь он лежал просто так, стараясь не смотреть больше в направлении окна.

Но еще через минуту-другую, казалось, что-то позвало Акима посмотреть туда в сторону окна и глаза сами отыскивали там это нечто, которое выходило на залитую лунным светом поляну. И Аким почувствовал, как липкий холодный пот стал быстро покрывать его тело: какая-то мерзкая рожа с длинными мохнатыми ресницами, хорошо видимая теперь при усилившемся лунном свете, снова прильнула к оконному стеклу. На этот раз все было слишком очевидным – ведь Аким совсем уже не спал.

И это осознание неизбежности происходящего помимо его воли незаметно погрузило Акима в состояние глубокого транса. Не смея даже шелохнуться, он тупо и неотрывно смотрел теперь в сторону окна и со стороны могло показаться, что человек этот лежавший на койке давно умер, но ему забыли прикрыть глаза.

Так оставаясь неподвижным в полубытьи Аким пролежал ещё некоторое время, пока эта мерзкая рожа, очевидно удовлетворив своё любопытство, неожиданно не отпрянула от окна и мгновенно не растаяла за полосой лунного света.

После исчезновения «Сатаны» Аким медленно стал приходить в себя – здравый смысл начал подсказывать ему, что там за окном не было ничего, что могло бы держать его в напряжении. Где оно было теперь это нечто и было ли оно вообще? Ответ на это можно было найти только там за окном.

Призвав себя к мужеству, Аким не теряя ни минуты вылез из-под одеяла, быстро оделся и, бесшумно открыв дверь, вышел в соседнюю комнату, где на кровати, предназначавшейся для него, свернувшись калачиком, спал Степан Игнатич: «бледный-бледный ...».

Осторожно, стараясь не зацепить ногой какую-нибудь из раскладушек, пересек Аким диагонали и первое более просторное помещение и вышел наружу – Ох!.. – набрал он полную грудь чистого воздуха и, сбегав вниз с небольшого крылечка, сразу же повернул за угол барака, куда должно было выходить окно из его комнаты.

Янтарная луна все еще висела над поляной, прилегавшей к барачному строению. Прижимаясь спиной к бревенчатой стене, Аким осторожно бочком стал продвигаться к своему окну, останавливаясь через короткие промежутки времени, чтобы прислушаться к возможным подозрительным звукам, могущим исходить от этого нечто. Но ничто в данный момент не говорило о присутствии каких-нибудь «сатанинских» сил.

А вот и оно – это окно! Аким прильнул лицом к стеклу: и в ту же секунду с содраганием во всем теле он почувствовал, как кто-то большой и сильный надвинулся на него сзади. Одновременно с этим он ощутил и чье-то тёплое дыхание у себя на затылке.

Все это было так неожиданно и так дерзко, что Аким всего лишь несколько минут назад развеявший в себе глупые страхи, теперь застыл в ожидании чего-то ужасающего: омерзительные картины одна страшнее другой мгновенно пронеслись перед его глазами. Кровь, казалось, начала застывать в его жилах и ни один мускул не дрогнул в его теле. Казалось, ещё чуть-чуть, ещё немного и у Акима наступит помутнение рассудка.

Но в этот момент за спиной Акима раздалось громкое конское ржание!

Резко обернувшись, он увидел вытянутую по направлению к нему голову жеребёнка: большие выпученные глаза, казалось, весело смотрели на человека из-под длинных лохматых ресниц, а широко раздувавшиеся ноздри выпускали в лицо Акиму тёплые клубочки пара.

Пораженный увиденным Аким замер у окна, все ещё не веря своим глазам. А жеребёнок вновь весело заржал – и толстые оттопыренные его губы обнажили ровный ряд огромных белых зубов.

Да, теперь не было никакого сомнения: вот он виновник его недавних страхов. Аким невольно улыбнулся, а жеребёнок, дружелюбно прижав его к стене, вновь неожиданно заржал: знакомство состоялось – нет это не хозяин. Качнувшись на длинных ещё неокрепших ногах,

он, казалось, раздосадованно отвернулся от Акима и, гордо подняв голову, легко поскакал в сторону, начавшего вырисовываться леспромхозовского поселения.

– Вот он этот сатана, – тихо сказал себе Аким, все ещё не сдвигаясь с места. Издалека со стороны таежного леса подул холодный утренний ветерок и неприятно обжег оголившуюся из под распахнувшейся рубашки Акима его грудь. И только теперь он окончательно пришел в себя и, зябко поежившись, поспешил обратно в барак, не предполагая, что ужасы этой ночи для него еще не закончились.

Вернувшись в свою комнатку, отвоеванную у Степана Игнатича, Аким быстро раздвинулся и побросав свою одежду на стул, стоявший рядом с кроватью, с удовольствием вновь полез под одеяло.

На этот раз после столь забавной развязки ночного кошмара сон мгновенно обрушился на Акима – прошло совсем немного времени, а он уже крепко спал. И спал бы он так долго – предолго, если бы ... если бы сквозь сладкую дрему сна он не почувствовал вдруг чье-то враждебное прикосновение. Древнее, как этот мир, чувство опасности, идущее откуда-то из глубины его сознания, заставило Акима сразу же и замереть, не выдавая как бы своего присутствия на этой кровати. Охотник Аким сам теперь был в положении преследуемого зверя и малейшая оплошность могла погубить его. И поэтому Аким затаился и ждал нужного момента для решительного броска на противника.

А чьи-то прикосновения становились все ощутимее и ощутимее, пока не переросли в грубые царапания.

Хотя, казалось, настало время действовать, но что-то внутри сонного еще Акима удерживало его от решительного броска.

Полное пробуждение пришло вместе с чувством острой боли, причиненной ему какой-то невидимой тварью. Собрав воедино всю свою волю, Аким молниеносно вскочил с постели и как и в прошлый раз, кинулся к выключателю: в яркой вспышке света тотчас же проявились бревенчатые стены комнаты, узкое незанавешенное окно и высокая железная кровать с всклоченной на ней постелью. Ничто не говорило о присутствии в комнате какого-нибудь ужасающего создания.

И тем не менее, повинувшись все тому же чувству самосохранения, Аким принялся обследовать своё временное жилище.

Вначале он подошёл к постели и, как следует встряхнул её, затем он нагнулся и заглянул под кровать. Потом он прошолся по всей комнате и внимательно осмотрел все углы. Но, нигде не обнаружив ничего подозрительного, вернулся к двери и потрогал сучковатую палку, подпиравшую дверь. И в конце удовлетворённый проделанным он замер посередине комнаты и стал внимательно прислушиваться: нет ли каких-нибудь подозрительных звуков? Стал он прислушиваться, но ничего кроме усилившегося под утро храма местных водил в соседней комнате он не услышал. И теперь весь этот недавний кошмар показался ему какой-то частью его прерванного сна.

Обругав себя за проявленное малодушие и излишнюю осторожность, Аким потушил свет и, с силой отдернув одеяло в сторону, буквально рухнул на заскрипевшую под ним железную кровать.

«Ишь черти! – подумал о храпевших в соседней комнате водилах Аким – Как они меня: «сатана – а – а ...». Сами вы сатаны мать вашу!» – зло выругался Аким и с головой укрывшись одеялом, решил хотя бы и немного вздремнуть в оставшуюся часть ночи в этой воистину «сатанинской» комнате.

Но уснуть Акиму в эту ночь так и не удалось.

Второе нападение сатаны было более решительным и ощутимым: одеяло быстро поползло вниз: острые когти неведомо какого ужасного создания, больно царапая его ноги,

потянулись в верх, коснулись живота, груди, обхватили шею и, казалось, что еще немного и у Акима уже не будет сил противиться сжимающей его горло твари.

Но тут кто-то из водителей громко чихнул в соседней комнате и почти одновременно с этим какая-то невидимая сила подбросила Акима на кровати. Не выпуская одеяло из рук, он кинулся к выключателю.

На этот раз невидимый до того враг скрыться не успел.

Вот оно что!

Пораженный увиденным Аким застыл на месте: по всей комнате шурша чёрными веерообразными крыльями, металась летучая мышь гигантских размеров. Все это было так неожиданно для Акима, что он не сразу смог «ввязаться в бой» со смертельным врагом, угрожавшим его жизни. Аким продолжал стоять на одном месте, а гадливая тварь, царапая стены, цепляясь за потолок, быстро перемещалась по небольшому пространству комнаты, отыскивая себе путь к спасению.

И вот когда пришедший наконец в себя Аким, схватив палку, кинулся к летающему вампиру, было уже поздно: летающий мутант успел скрыться под ковриком свободно свисавшем над кроватью.

С ходу, нисколько не раздумывая, Аким запрыгнул на свою кровать и с силой рванул на себя коврик с пасущимися на нем оленями, обнажив бревенчатую стену барачного помещения: прямо перед ним зияло круглое отверстие в прогнивших от времени бревнах. Вот сюда-то и ускользнуло от него это сатанинское создание. Аким машинально сунул туда в эту дыру свою палку и та глубоко ушла внутрь.

– Ага, – стал азартно вертеть свою палку в этой дыре Аким. Теперь все стало понятно ему: летучая мышь вампир! Сатана!

И на минуту Аким представил себе, как только что увиденный им мутант, парализовав волю приезжего ревизора, высасывает из него кровь.

– Фу! – передернул он плечами: «Совсем не удивительно, что они– «бледный-бледный ...»

Надо бы объяснить им все утром ...

Но через секунду – другую, подумав ещё и посмотрев на дверь, ведущую в соседнюю комнату, он громко и с большим сожалением в голосе сказал себе: «А ведь не поймут они и не поверят мне.»

И переломав ударом о колено свою палку, Аким запихал обе её половинки в это зияющее в стене отверстие, потом подумав немного, сунул туда для верности ещё и полотенце, висевшее на спинке кровати, не спеша повесил на место коврик с мирно пасущимися на нем оленями и только после этого, одевшись и заправив постель, пошёл будить Степана Игнатича.

Демон

– Ой! Ой! Ой! – не смогла сдержать своего восторга маленькая девочка, увидев огромный полосатый арбуз в сильных и мускулистых руках Акима, только что вошедшего в купе. Взобравшись обеими ножками на нижнюю полку к своей маме, она вся извертелась не в силах скрыть своего восхищения всем происходящим.

Её радостно-смеющиеся глазенки, казалось, остановились на этом арбузе. Но еще через какое-то мгновение пробежали они и по свежевыбритому лицу этого совсем чужого для нее дяди, в уголках губ которого притаилась какая-то загадочная улыбка.

– Ну ка сядь! Сядь Настя! – попыталась успокоить девочку её мама – очень даже привлекательная молодая женщина, синенькие глазки которой с чуть размытыми краями зрачков, мельком окинув поджарую фигуру Акима, казалось, по достоинству оценили ее. Несмотря на то что в купе была достаточно комфортная температура она зябко куталась в накиннутый на ее плечи тёплый пуховый платок и постоянно поправляла рукой длинные свои волосы цвета мокрого песка, поправляла словно их трепал какой-то ласковый ветерок. Повидимому перед самой поездкой она успела побывать в салоне красоты и теперь ей было трудно отделаться от приятного ощущения новизны на своей голове.

Опустив огромный арбуз на небольшой купейный столик, Аким представился родителям девочки и получил в ответ их имена.

– Просто Света, – первой назвала себя мама девочки.

После чего Аким услышал и имя её отца.

– Александр Константинович, – сдержанно представил свою особу мужчина средних лет чуть великоватый для комфортного путешествия в поезде дальнего следования.

Ну и прекрасно! – подвел итог состоявшемуся знакомству Аким и забросил свой туго набитый рюкзак на верхнюю полку.

– Настя, пожалуйста веди себя скромно, – теперь уже несколько жеманно попросила мам-Света свою дочь и плотно прижала её к себе.

– А мы и есть самые что ни на есть скромные пассажиры вагона номер 7 поезда дальнего следования, – повернувшись к маме с дочкой, лукаво подмигнул Аким Настеньке – Мы и есть эти самые скромные пассажиры и сейчас будем есть арбуз. Правда Настенька? – как-то нарочито строго посмотрел он на вновь начавшую подбрасывать себя на месте маленькую девочку.

– Правда! Правда! – громко поддержала Акима маленькая Настенька, уже начавшая поедать жадными глазенками полосатый арбуз, прижатый рукой Акима к купейному столику.

Но на этрт раз в повидение маленькой Настеньки решил вмешаться её папа – его правая рука, удерживавшая до этого газетные листы, тяжело опустилась на хрупкое плечико девочки – и та вмиг успокоилась, уткнувшись носом в край теплого маминогo платка.

Александр же Константинович, успокоив дочь, с отсутствующим лицом продолжал сидеть на своем месте, не выказывая ни малейшего желаня вступать в беседу с этим ни в меру общительным соседом по купе. Молча сидел он так, как и с самого начала, и только один раз с едва заметной ухмылкой на лице покосился в сторону своей жены, начавшей кокетливо улыбаться Акиму. И сразу стало видно, что у него пропало всякое желанье читать газету. И он, поднявшись на ноги, положил её к себе на верхнюю полку.

– А вы куда? – остановил его вопросом Аким, которому показалось, что отец Настеньки собирается выйти из купе. – Вот мы сейчас с этим арбузом разберемся, – легко подняв его над столиком, крепко сжал, «полосатого» между ладонями рук Аким, – арбузы в этих местах, скажу я вам, – о – го – го! – поворачивая голову то в одну-то в другую сторону, стал рассеянно отыскивать он глазами то, что очень необходимо было ему в эту минуту.

– Вы ножик? – быстро догадалась Настенькина мама и начала суетливо отыскивать его у себя в сумках и пакетиках.

Но Аким уже сам успел принять необходимое ему решение.

– Минутку, – вернув арбуз на место, вскинул он вверх свой указательный палец и, подумав немного, просунул руку во внутренний карман своей джинсовой куртки и извлек оттуда небольшой обоюдоострый ножичек с декарированной какими-то затейливыми узорами, рукоятью, казалось.

При виде этого глаза родителей Настеньки вмиг округлились, а сами они, казалось потеряли дар речи.

В отличии от своих родителей маленькая Настенька, в очередной раз подбросив себя на месте, громко и радостно хлопала в ладоши. Ей явно очень даже понравился этот ножичек коснулся его и она, вскинув на него свои светлые глазки, собралась было попросить дядю Акима, чтобы он разрешил ей, хотя бы и дотронуться до него. Но дядя Аким уже занёс его над арбузом – и уже в следующую секунду арбуз, казалось, ожидавший этого удара, едва только ножичек к нему, с хрустом разломился на две равные половинки, обнажив внутри себя ярко-красную аппетитную мякоть.

– Вот он какой! – торжественно провозгласил Аким, приглашая своих соседей по купе ближе придвинуться к столику.

Мам-Света и особенно маленькая Настенька дружно переместили себя ближе к столику.

А вот Настенькин папа Александр Константинович в ответ на приглашение Акима вначале недовольно поморщился, но потом все же заставил себя переместить своё большое, но послушное ему тело вперёд к купейному столику.

– Первая скипочка тебе, – протянул Аким маленькую арбузную дольку нетерпеливо ерзавшей на своём месте Настеньке. И та, схватив обеими ручонками предложенный ей кусочек арбуза, тут же вонзила в него свои маленькие и остренькие зубки. И теперь уже она, казалось, не обращала никакого внимания на все то, что происходило вокруг нее.

– А вот вторая скипочка нашей мам-Свете, – все также весело улыбаясь, продолжал раздавать Аким равной величины арбузные дольки и заслужил при этом ещё один ревнивый взгляд со стороны Настенькиного папы.

Расправились с арбузом быстро и дружно. Он, как и говорил Аким, действительно оказался превосходного вкуса, достигнув в процессе своего созревания некой золотой середины – сорванный на день раньше или на день позже, он не был бы таким сочным и сладким, как теперь.

И очень скоро ото всего не малой величины арбуза остались лежать на небольшом узеньком купейном столике только арбузные корки. И Аким, как единственный виновник этого купейного арбузопоедания, свалив горку арбузных корок в целлофановый пакет, чуть потянувшись, взял со своей полки казенное полотенчишко и стал протирать им свой обоюдоострый ножичек.

– Дядь Аким, а дядь Аким, – жалобно запричитала тут маленькая Настенька и протянула к нему свои просящие ручонки, – а дай я потрогую твой красивый ножичек?

Но мам Света, как бы в испуге, не сильно, а будто бы играючи ударила по протянутым к Акиму ручонкам своей дочери.

– Он очень острый Настя, – строго сказала она, – не дай-то бог! Этим не балуются.

– А я и не бауюсь... – опустив свои ручонки, тут же надула губки Настенька, бросив опасливый взгляд в сторону Александра Константиновича.

– Острый?... – как-то очень внимательно стал разглядывать свой ножичек Аким, будто бы увидел его впервые. – Да вовсе и нет, если хотите?... – протянул он его мам-Свете.

– Упаси боже! – остановила взглядом движение руки Акима молодая женщина и, чуть отодвинувшись назад, кокетливо попросила его: – А вы лучше расскажите нам Аким, как он оказался у вас этот ваш ножичек, – ведь он какой-то музейный у вас?

Несколько игриво прозвучавший голос жены не понравился Александру Константиновичу и он, не сказавший за все это время ни одной фразы, подчёркнуто сухо заметил:

– Это не ножик – это кинжал.

– Кинжал?.. – искренне удивилась Мам-Света.

– Ки – и – жал! Ки – и – жал! – попыталась войти в разговор взрослых и Настенька и, спрыгнув вниз с полки купейного вагона, стала быстро прикладывать друг к дружке ладошки своих рук. – Хочу ки – и – жал! Хочу ки – и – жал!..

– А ну успокойся же ты наконец, – одернула девочку её Мам-Света и вновь обратилась к Акиму со своей просьбой: – А не расскажите ли вы нам все же откуда он у вас этот кинжал, как говорит мой Саша? – впервые за все время назвала она по имени своего мужа.

– О! – быстро упрятав свой кинжальчик во внутренний карман джинсовой куртки, Аким уже как-то нехотя продолжил разговор: – Это знаете ли целая история ...

– Ну и хорошо Аким – посмотрела просительно снизу в верх на Акима молодая женщина. – А вы и расскажите нам эту вашу «целую» историю ...

Ты бы лучше ребёнком занялась – в этот момент, бросив ревнивый взгляд в сторону Акима, поднялся со своего места и Александр Константинович. – Найди ты ей какое нибудь интересное занятие – не видишь разве, как она капризничать начинает ...

При этом голос Александра Константиновича прозвучал как-то хрипловато, как у человека уже долгое время не говорившего ни с кем-так и хотелось, чтобы он немног прокашлялся.

– Ну тебя, – недовольно отмахнулась от мужа мам-Света. – Вот ты бы и занялся ею. Не видишь разве, что спать она хочет ...

– Не хочу – у... не хочу – у спать ... – тут же нахохлилась маленькая Настенька, отодвигаясь от матери.

И тут мам-Света как-то очень нехотя поднялась тоже со своего места и примирительно обратилась к мужу:

– А давай Саша мы ее к тебе на верх положим: может там она уснет скорее?

– Не хочу не хочу спать, – на этот раз уже горько запрочитала Настенька, наотрез отказываясь переселяться на верхнюю полку.

– Давай Настя давай ... – пока еще ласково начала уговаривать девочку её мама, безуспешно пытаясь приподнять ее на верхнюю полку.

Мам-Света некоторое время безуспешно пыталась посадить свою дочь на верхнюю полку, но та стала отчаянно противиться этому, цепляясь за руки своей матери.

– Ну что ж ты стоишь? – уже в сердцах была вынуждена обратиться к своему супругу молодая женщина. – Неужели ты ничего не можешь сделать с этим – ведь она просто сведет меня с ума?

– Гм – м – м ... – как-то неопределенно в ответ на это промычал Александр Константинович и близко почти в упор посмотрел на свою жену и при этом глаза его и без того не очень светлые стали быстро темнеть от набежавшего в них чувства злости.

– Вот ты опять ... – зарделись щеки мам-Светы и, покосившись на Акима, она сильно нашлапала по ягодицам повисшую у неё на руках Настеньку.

Назревал маленький семейный скандалчик и Аким, прихватив с собой целлофановый пакетик с арбузными корками, предусмотрительно удалился из купе.

И когда он минут через десять-пятнадцать, вдоволь накурившись в тамбуре, вернулся наконец в купе, то по выражению лиц супругов сразу догадался, что они успели уже обменяться обычными в таких случаях словами и теперь оба они молча и бездумно провожали глазами быстро сменяющие друг друга картины за купейном оконцем.

И даже маленькая Настя, казалось, осознав всю серьезность сложившейся ситуации, притихнув, сидела между родителями, свесив вниз с полки свои крохотные ножки.

«А вот и этот дядя!» – радостно встретила она Акима, вернувшегося в купе.

– Ага! – сказал этот дядя и, быстро нагнувшись, подхватил Настеньку и поднял её на верхнюю полку. – Вот здесь Настенька, – сказал он, – тебе будет очень хорошо– оттуда ты сможешь увидеть вон те синие горы, – вытянул Аким руку в сторону купейного оконца. – Ты не представляешь себе Настенька какие они ... какие они ..., – остановившись, казалось, не мог подобрать он нужные ему слова для описания горной гряды, видневшейся далеко у горизонта по ходу движения поезда. Они, Настенька, просто обалденно красивые! И благодатные, – наконец смог подобрать он нужное ему слово. В свое время, Настенька, дядя Аким буквально исходил их вдоль и поперек. А в какие попадал он истории в них Настенька– это трудно даже передать. Но я попробую: однажды он просто чудом остался жив и спас его тогда Настенька вот этот ножичек, – и, сказав это, Аким извлек из кармана куртки этот очень понравившийся Настенька ножичек. – А все это Настенька потому, – стал Аким постепенно переходить на убаюкивающие нотки в своем голосе, – все это Настя потому, что он не простой, а волшебный и тот, кто притронется к нему, сразу же становится счастливым и быстро засыпает.

С этими словами Аким подставил под ладошку девочке рукоять своего волшебного ножичка и Настенька, счастливо улыбнувшись, перевернулась на другой бочок и под убаюкивающий перестук колес поезда дальнего льно набравшего скорость, глазки и ещё через какое-то короткое время закрыла глазки и крепко уснула, подложив под голову свою ладошку.

Настенька уснула, а ее высокая и стройная мам– Света, встав со своего места и чуть приподнявшись на носки, нежно коснулась рукой до своей дочери и подвернула край матраса, чтобы та не дай бог не скатилась вниз. И только после этого заняла своё прежнее место на нижней полке у окна.

Молчание в купе сохранялось ещё некоторое время, сохранялось оно, пока первым не выдержал Аким.

– Вон там вот видите, – вытянул он руку в сторону окна, обращаясь сразу к обоим супругам. – Видите вы две эти горные вершины, что возвышаются над всей горной грядой? Посмотрите ...

Мам-Света молча подняла свои глаза на Акима– лицо её было теперь словно окаменевшим от какого-то внутреннего напряжения. По всему было видно, что ей нелегко давалась эта её сдержанность.

Александр же Константинович продолжал сосредоточено смотреть в купейное окно и делал при этом вид, что ничего особенного между ним и женой не произошло.

– И Аким оставил на время свою попытку разговорить супругов, совершенно не понимая, как ему продолжить этот разговор.

В этот момент в дверь коротко поступали и в купе вошел высокий и подтянутый, как спортсмен молодой проводник поезда дальнего следования, набравшего скорость, и, ничего не говоря, поставил на столик поднос с чаем в граненых стаканах с позвякивающими в них ложечками. Выставил он также на купейный столик четыре полосочки поезда сахара.

– Чай! – каким-то казенным голосом заключил он и быстро удалился из купе.

Проводник ушёл и Аким, подсев ближе к столику прямо напротив супругов, и придвинув к себе ближе один из принесенных подстаканников с чаем, как ни в чем ни бывало, продолжил:

– Ага, так вот там между двумя этими горными вершинами и произошло то, что объясняет появление у меня этого кинжальчика, – дернул левым плечом Аким, как бы прилагая к своему повествованию и сам предмет этого повествования, спрятанный у него во внутреннем кармане его куртки.

На этот раз, уже несколько успокоившись, молодая женщина ближе придвинулась к окну и стала пытаться как-то рассмотреть то, что показывал ей Аким, пыталась она рассмотреть, но

по ее не совсем осмысленному выражению лица Аким понял, что смотрит она вовсе ни туда, куда надо было ей смотреть.

– Нет – нет, смотрите чуть правее, – привстав со своего места, показал рукой Аким. – Вот – вот теперь я вижу вы смотрите именно туда – довольный подтвердил Аким, – там и есть эта горная седловина, а за ней ... – мечтательно продолжил Аким, – а за ней расстилается огромная песчаная пустыня.

После этих слов Акима папа Настеньки, Александр Константинович, оторвав свой взгляд от купейного окна, в большом удивлении посмотрел на Акима.

– Позвольте – позвольте какая там может быть пустыня, если мы видим эту горную грядку?.. Ведь ...

– Да – да, – не дал договорить Александру Константиновичу Аким, – именно что пустыня – можно сказать: маленькая Сахара! Вы не поверите, но я и сам страшно удивился, когда впервые увидел ее. Как только начинаншь спускаться с той стороны вниз с этих гор, так сразу и видишь ее – ласковую и в то же время грозную очень. Вы вот например когда-нибудь видели настоящую пустыню? – близко в упор посмотрел Аким в глаза молодой женщине.

– Н – н – нет, – покачала она головой.

– Гм – м – м ... – с какой-то скрытой жалостью в голосе промычал Аким и, положив ладони обеих рук на гладкую поверхность купейного столика, очень мечтательно посмотрел на мам – Свету. – Вы попытайтесь только представить себе такую картину: насколько далеко могут видеть ваши глаза расстилаются волнистой поверхностью желто – бурые пески. Смотришь это ты на них и начинает казаться тебе, что никаких признаков жизни на них нет и все мертво. А над всем этим безжизненным пространством низко свисает без единого облачка на нем фиолетовое небо с пылающим и слепящим вас диском солнца на нем. Смотришь, знаете ли, на все это и приходишь к мысли о какой-то вселенской обреченности. Появляется это у вас такая мысль и возникает внутри вас какое-то щемяще-тоскливое чувство одиночества и даже и смертельного ужаса! И ...

– Ужас! – испуганно остановила Акима мам-Света, – Но как вы туда попали Аким?

– Как попал я ... – как-то без особого желания стал возвращать себя к прошлому Аким. – а вот так и попал – пришлось мне – уже с некоторыми нотками грусти в голосе продолжил он. – Заблудился я ...

Как?! – чуть привстав со своего места, удивленно посмотрела на Акима мам – Света.

– Да, заблудился я, – решительно подтвердил свои слова Аким. – Пошёл на охоту – и заблудился. Пусть не покажется вам это странным, но у нас в партии такое происходило: к примеру уходит человек на охоту и долго не возвращается – значит заблудился, заплутал он. И в этом случае все свободные от вахты отправляемся на его поиски и ничего, – распрямил пальцы левой руки, лежавшей на купейном столике Аким. Слава Богу! всегда находили – без каких-либо трагических случаев.

– В партии?.. – непонимающе посмотрела на Акима Настенькина мама. И Аким тут же поспешил с разъяснениями.

– Химгеологонеруд, партия 16/87, – с шутливой торжественностью в голосе провозгласил он.

– Ага, теперь понятно все с вами – вы геолог! – Почему-то очень обрадовалась этим словам Акима молодая женщина.

– М – м – м ... н – н – н ... – на короткое время замялся Аким, но встретив испытующий взгляд Александра Константиновича, ограничился интригующим: – н – н – не совсем ...

Услышав это, мам-Света как-то разачарованно вздохнула и положив, как и Аким, обе руки на столик, несколько раз нервно сжала и разжала пальцы.

– Так вот значит, – продолжил Аким свой рассказ после вынужденной паузы и, как бы собирая свои воспоминания воедино, стал быстро помешивать ложечкой чай в своем стакане. –

Заплутал это я в тот раз, сильно заплутал – печально вздохнул Аким, – а охота в тот день удалась на славу – дичи набил так много, что в рюкзак всю с трудом сложил. Иду это я обратно, а рюкзак спину мне тянет. Несу это я его на горбу, а сам думаю: «вот ребят всех в партии дичью побалую» Замечтался это я и иду себе я и иду. Иду это я – и вдруг почувствовал, что не той дорогой обратно иду. Не знаю знакомо ли вам это чувство или нет, но со мною это всегда так бывает: вначале каким-то своим внутренним чутьем начинаю понимать я, что не то совсем делаю. Вначале я чувствую, а уж потом соображать начинаю: тут не проходил, да и тут тоже ... и так далее и так далее ... А в горах, знаете ли, заблудиться ничего не стоит. А в горах, знаете ли, сделать точную привязку это очень сложно: ведь кругом скалы, скалы, скалы почти одинаковой формы. И поэтому нормальный человек в горы один не пойдет – обязательно с кем-то еще или собаку с соброй берет. Та тебя к дому обязательно выведет с помощью своих меток, но в этот раз я Джека нашего красавца взять с собой не смог, потому как прихворал он немного – ходит это он по лагерю с хвостом опущенным и ни ест ничего. Забьется где-нибудь в тени за палаткой и весь день и пролежит там. А бывало только за ружье возьмешься – а он тут как тут: подпрыгивает и весь трясется от радости. Вообще иду это я и иду один, – закончив с лирическим отступлением, продолжил Аким. – Иду и не понимаю, куда это я иду. Тут, знаете ли, или память нужна хорошая или интуиция чтоб хорошо работала. Ведь запоминать надо все: вплоть до вышербинке на скале и камешка на тропке, но ни каждый раз это получается.

Вообще скажу вам сильно заплутал я и долго ходил кругами по одному и тому же месту и выйти к хорошо известной мне точке я так и не смог. А тут, знаете ли, ещё и жажда мучить начала – ведь я всего лишь одну фляжку воды с собой прихватил и ту пополудни ещё до дна всю осушил. Жажда меня мучить начала и конечно же мысли все на эту тему пошли: как бы где водицы испить? Да – а ... – перестав на время говорить, в глубокой задумчивости обвел Аким глазами тесное пространство купе и после этого вновь продолжил свой рассказ:

– Иду это я иду, жаждой томимый, и по сторонам поглядываю, поглядываю это я, но хорошо знакомую мне тропку горную так и не обнаруживаю. Уже и сумерки опускаться начали, а я все иду и иду-то вниз спускаюсь, то опять на верх поднимаюсь. Да – а ... – опять немного помолчав, постучал Аким пальцами по крышке купейного столика и потом очень быстро продолжил:

– Уже в очередной раз сползаю я вниз и ... и ... – вопросительно посмотрел Аким на сидевших напротив него супругов, – и что вы думаете: каким-то влажным все вокруг меня сделалось. А это, знаете ли, – радостно блеснули глаза Акима, – а это оказывается я по колено в густой траве, влажной от обильной росы стою. Ну и что вы думаете я делаю? – загадочно посмотрел Аким на супругов. Конечно же сбрасываю я со спины рюкзак мой дичью набитый – и падаю на высокую и влажную траву эту. Падаю и, как корова, выщипывать её начинаю. Отщипну это я как можно больше стебельков, пожую их немного и выплевываю, пожую и выплевываю. Жажду свою я, конечно же, не утолил, а вот горло своё немного промочил. Промочил это я горло своё и мне, знаете ли, как-то полегче стало. Перевернулся я на спину и лежу и думаю себе, как ребята мои меня уже и потеряли – ни живым – ни мертвым найти меня уже не надеются. «Господи, – думаю я, – на все воля твоя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.